

Готова поспорить, вы бросите эту книгу после пролога.

Однажды в поездке, за завтраком в отельном ресторане, я познакомилась с мужчиной из номера напротив. Он был довольно мил, оказывал формальные знаки внимания и как-то раз даже захватил для меня со шведского стола круассан. А после вдруг решил, что флирта достаточно, и попытался облапать.

Отказ так опечалил несостоявшегося принца, что вечером он повторил попытку, явившись к дверям моей комнаты в стельку пьяным. Пришлось позвонить охране и сбежать из номера через балкон первого этажа. Уж очень настойчиво и громко он тарабанил в дверь.

На следующее утро при встрече герой стыдливо отводил глаза и старался исчезнуть из моего поля зрения. Он так и не узнал, что благодаря его представлению я долго сидела в кофейне неподалеку, наблюдая за симпатичной художницей, делавшей зарисовки в скетчбуке, и придумала эту книгу. Вот и ответ на извечный вопрос «А как к вам приходят идеи?». Через эмоции от хама в отеле, от случайно подсмотренных рисунков в кафе, от прогулки по парку среди рядов аквагримеров и художников.

«Палитру его пороков» мои читатели или любят, или ненавидят, других вариантов просто нет. Кто-то считает, что это история о беспринципном жестоком мужчине и его нездоровых желаниях, а кто-то видит в романе нежность и чудо. Для кого-то Сергей — сволочь, а для кого-то мужчина мечты.

И я вряд ли готова однозначно принять чью-то сторону.

Для меня «Палитра его пороков» — это история об умении прощать. О том, как добрая и наивная девушка Женя простила обидевшего ее мужчину. О том, как искалеченный парень Костя простил себя за предательство. О том, как Сергей Серебров простил судьбу, ударившую по самому больному месту.

Поэтому «Палитру» ненавидят. Герой любовного романа не имеет права быть плохим человеком. Это не в тренде, не пропагандирует здоровые отношения и вообще не соответствует современному миру, в котором такой, как Серебров, просто остался бы в темноте и одиночестве до конца дней.

И поэтому же «Палитру» любят. Нам всем иногда нужно подтверждение того, что шрамы от жестоких слов и ошибок могут исчезнуть.

И если я все же проиграла и вы решились читать «Палитру его пороков» до конца, то помните: черные и белые полосы в жизни мы раскрашиваем сами, впуская в нашу жизнь любовь, доброту и капельку чуда.

С надеждой на то, что смогу написать еще одну историю, теперь уже об Элине, ваша Анна Веммер.

Ненавижу осень. Все самое мерзкое в моей жизни происходит именно осенью.

Она наступила так неожиданно, что я оказалась к ней совершенно не готова. Ни сапог, ни пальто, даже шапку уже стыдно носить. Элю я одела еще весной, когда были скидки, а на себя денег не хватило. Нет их и сейчас, так что как-то придется перекантоваться месяц в кожанке и кроссовках. Или попросить у Дэна?.. Нет, он и так выручил нас со стоматологом. Представить страшно, что бы я делала без него. И ведь до сих пор треть суммы не вернула.

Он не просит, конечно, да и то, что я вернула, потратил на Эльку же, но все равно так нельзя. Надо вставать на ноги, брать себя в руки.

Раньше, когда я была беззаботной студенткой, стипендии отличницы вполне хватало на жизнь. Хорошую — сытую и счастливую. Я рисовала, ходила с девчонками по клубам и квестам, покупала шмотки и косметику, даже умудрилась скопить (правда, выиграв в региональном конкурсе) на горящую путевку в Турцию. В общем, жила, как и все студенты, не в богатстве, но в достатке. Да и родители помогали.

А потом, в первый день осени, автокатастрофа переречкнула всю жизнь «до». И оставила только «после», где мы с Элькой вдвоем.

Они ехали к друзьям в Питер. И трасса была не- сложная, и водители опытные, но... никто не в отве- те за мудаков на дорогах. Элька уцелела чудом: в по- следний момент она подхватила ветрянку. Я все равно оставалась дома, ибо начинался учебный год, так что согласилась посмотреть за племяшкой. Так мы и оста- лись одни против всего мира.

Пришлось взять академ и пойти работать, Эля тре- бовала заботы, о дневном отделении можно было за- бывать. Я прошла все круги ада, чтобы забрать племяш- ку к себе, чудом устроила ее в садик на половину дня. С утра работала на почте, там всегда не хватает людей, поэтому меня охотно взяли на полставки, а после обе- да делала курсовые. Те самые, которые совсем недавно так беспечно сдавала.

На почте я и познакомилась с Дэном, он фрилан- сил и часто работал на заказчиков из других городов. Отправлял, наверное, писем по десять в неделю: дого- воры, акты, задания. На почте таких не любят, а мне он сразу понравился. На вторую неделю он притащил шоколадку.

— Это вам, за улыбку и терпение.

На третьей протянул бумажный конверт, в кото- ром я нашла потрясающие фотки. Когда он успел меня снять? Вот я склоняюсь над посылкой, вот обматываю ее скотчем, вот принимаю деньги, а вот встаю на цы- почки и тянусь к верхней полке, куда свалили целую гору мелких пакетов из Китая.

Дэн оказался фотографом, впоследствии он часто меня снимал. Говорил, камера меня любит.

— Они все одинаковые, понимаешь? Я ищу топ- модель, а мне пишут клоны, армия клонов! Завитые светлые (или, наоборот, иссиня-черные) волосы, не- естественный загар в любое время года, накачанные губы. Я ищу славянку для «Хозяйки Медной горы», а мне пишет девчонка с закосом под Бейонсе, я сни- маю проект «Девушки мужских профессий», а на ка-

стинг приходят порно модели. Что ты смеешься? Я серьезно! У нее в портфолио фотосет в сауне во фривольных нарядах, сидит такая: у меня образование технолога. А съемка к столетию вуза... представляешь, если бы ректор узнал, да его бы удар хватил.

Я смеялась над его историями до упаду. Дэн повел себя меня провожать после работы, потом я пригласила его на чай, потом еще и еще. Так, незаметно друг для друга, мы стали парой.

И да, мне было легче в отношениях. И финансово, и морально. Я не строила иллюзий, никому не нужна девятнадцатилетняя девушка с ребенком. Решила просто наслаждаться тем, что имею.

В этот раз твердо решила: первое сентября будет особенным. Я не позволю мрачным воспоминаниям снова завладеть мной. Я еще за неделю договорилась с соседкой, что она последит за Элькой вечером.

— У нас с Денисом годовщина, — соврала я. — Хотим побыть вдвоем.

Приветливая и добрая тетя Маша, у которой Эля просто обожала оставаться, понимающе улыбнулась и заверила, что все будет хорошо.

Поэтому сейчас я сижу на диване в гостиной Дэна, тяну из бокала шампанское и пытаюсь справиться с дрожью в руках. Боже, как же мне страшно! Только вот почему? Я никогда еще не была ни с одним парнем, сначала училась, потом заботилась об Эле. В том, что Дэн — человек, с которым я хочу провести первый раз, я уверена, но в остальном...

Что делать? Хорошо ли я выгляжу? Буду ли так же хорошо смотреться без одежды? Как мне себя вести? Понравится ли Денису?

Меня даже предохранение не так пугает, как эти извечные девичьи вопросы.

Он возвращается с вазочкой, полной клубники, голубики и еще каких-то фруктов. Дэн всегда балует меня экзотикой, зная, что из витаминов я беру только ябло-

ки, груши да бананы — что подешевле. Когда буду уходить, он обязательно сунет мне контейнер для Эльки. Знает, что она с нетерпением ждет гостинцев.

Мне одновременно и страшно, и хорошо. Сложно поверить в то, что после череды неудач судьба вдруг подарила мне Дениску.

Он опускается на диван, берет клубничку из вазы и подносит к моим губам.

— Ам!

Я смеюсь и кусаю сочную сладкую ягоду. Дэн ждет, пока я прожую, а потом мы целуемся, медленно и долго. Все внутри трепещет от мягких прикосновений его пальцев. Парень поглаживает мою шею, а я уже таю и куда-то уплываю.

— Эй, Жень, погоди, — он отстраняет меня, когда мои пальцы проникают под его рубашку, — я же не железный.

— Мы уже полгода встречаемся, — шепчу я. — Мне кажется, можно выходить на новый уровень.

— Уверена?

Киваю. На самом деле я не уверена ни в чем, но я знаю, что ему тяжело полгода ходить за ручку и целоваться перед подъездом. И мне действительно хочется узнать, что там дальше, как это — стоять на новой ступеньке отношений.

Дэн вдруг поднимается и подхватывает меня на руки. Я смеюсь, он высокий и сильный, ему ничего не стоит держать меня на руках.

Мы снова целуемся и на ощупь добираемся до спальни. Я с удовольствием растягиваюсь на огромной кровати, наслаждаюсь ласкающим взглядом Дэна и радуюсь, что надела сегодня легкое вискозное платье. Замерзла ужасно, но этот взгляд, полный восхищения, стоит того.

Я знаю, что симпатичная. У меня длинные каштановые волосы, мягкие и немного вьющиеся, большие глаза с пушистыми ресницами, полные губы, я худень-

кая и длинноногая. Это не хвостовство, просто я всегда считала, что стенать «ох, я такая дурнушка», имея при этом вполне приятную внешность, — излишнее кокетство. Я не кокетничаю, я знаю, что нравлюсь парням. Но это знаю я-разумная. А я-влюбленная просто паникую оттого, что опозорюсь в свой первый раз.

Дэн стягивает рубашку, я наслаждаюсь видом его тренированного тела. Мне нравится в нем буквально все, от светлых прядей волос, падающих на глаза, до небольшого шрама над бровью. Интересно, как он его получил?

Сердце бьется все быстрее. Совершенно некстати в голове всплывают десятки дурацких статей в стиле «Как вести себя в постели, чтобы доставить ему удовольствие». Я знаю, что нельзя просто лежать под ласками и поцелуями, поэтому отвечаю как умею.

— Нет, малышка, так не пойдет, — усмехается Дэн. — Я слишком долго тебя ждал, поэтому сегодня ты моя.

Он поднимает мои руки над головой, просовывает между прутьями кровати и невесть откуда взявшимся шарфиком крепко приматывает их.

— Дэн... — протестую я.

Но меня снова целуют.

— Тш-ш-ш, не бойся. Женя-а-а, как же я тебя хочу...

Он умеет успокоить мой страх, сделать так, чтобы я забыла обо всем, кроме его губ. Расстегивая пуговичку за пуговичкой, он покрывает поцелуями мое тело. Не торопится, наслаждается, как дорогим вином. Я расслабляюсь, нежусь под горячими сухими губами и сама не замечаю, как перестаю стесняться. Я практически голая, но мне больше не страшно, потому что Дэн смотрит с восторгом и предвкушением.

Но прежде чем он раздевается сам, раздастся звонок в дверь.

Он вырывает меня из сказки в реальность.

— Я пиццу заказал, — виновато бормочет парень, — я же думал, мы кино смотреть будем. Подожди минутку, расплачусь и вернусь. Все равно проголодаемся.

Он дарит мне мимолетный поцелуй и выходит из спальни. Мне хочется попросить, чтобы Дэн меня развязал, но я стесняюсь показаться паникующей идиоткой.

Жду... в тишине, где слышен лишь стук моего сердца.

Квартира у него большая, что происходит в коридоре, я не слышу. Только отзвуки, приглушенные, слабые. Сначала хлопает дверь, потом раздается чей-то незнакомый голос.

Мне вдруг становится страшно. И это не волнение девственницы перед первой ночью, а настоящий страх, как будто я не в спальне любимого, а в лесу, и из темноты на меня смотрят волки.

Его все нет и нет. Похоже, Дэн слишком сильно затянул шарф, потому что руки немного затекают. Наконец я решаюсь позвать:

— Дэн! Все нормально? У меня в сумке есть мелочь, если что.

Боже, как же мне страшно... мучительно долго он не отвечает!

Затем я слышу шаги.

— Оп-па, как интересно,— хриплый бархатистый голос царапает слух.

Я вздрагиваю, когда в проеме появляется темная фигура, и судорожно пытаюсь распутать узлы. От страха пальцы не слушаются. Впрочем, мне все равно некуда бежать.

У него жуткие глаза. Серые, почти бесцветные, я никогда таких не видела. Ледяные... нет, стальные! А еще он огромный, явно проводит кучу времени в спортзале. Дэн рядом с ним смотрится мальчишкой. Темные волосы коротко подстрижены, на лице небрежная щетина.

И смотрит. Прожигает взглядом, рассматривает, как зверушку в зоопарке.

— Что вы... Кто вы такой?

Мой голос дрожит. Немудрено, от такого взгляда даже в одежде почувствуешь себя голой, а я в тонком белье и распахнутом платье.

— Как интересно... — Мужчина проходит в комнату, и я могу видеть, что происходит за его спиной.

От увиденного мне становится трудно дышать, я через силу заставляю себя втянуть воздух. Дэна держат за руки двое крепких парней в темных костюмах. Полы пиджака одного из них разошлись, и можно отчетливо увидеть кобуру.

— Значит, — незнакомец поворачивается к Денису, — решил отметить аферу с подружкой?

— Сергей Васильевич, да я не...

Я ахаю, когда один из охранников бьет Дэна под дых.

— Спокойно, малой, спокойно. Я тебя предупреждал, что бывает с теми, кто меня кидает. Предупреждал? Мне ведь не приснилось? Ну что, как отдавать будешь?

— Да я отдам, я...

Мужчина морщится.

— Что ты? Что ты, Савельев, свою мыльницу продашь? У папочки попросишь? Как ты собираешься со мной расплатиться? Думал, лоха нашел? Думал, хрен с ним, со старым козлом, миллионом больше, миллионом меньше, не заметит? Умнее надо быть, Савельев, умнее. И если уж решил воровать у того, кто сильнее, след заметай! Ладно. Давай думай головой, как будешь исправлять косяк, иначе я клянусь, тебя поутру в реке найдут, ты не представляешь, как я зол.

Он снова смотрит на меня, и я с ужасом понимаю, что в моих глазах стоят слезы.

— Да, милая, не повезло тебе с любовничком, редкостный мудака. Представляешь, на пару с одной тварью в офисе уводил бабло через липовые договоры. Красиво живет.

— Отпустите меня, пожалуйста, — очень тихо прошу я.

— Да я бы с радостью, — Сергей притворно вздыхает, — но видишь ли, милая, за косяки надо платить. Взять с этого обмудка нечего, фотики его стоят копейки, а нагрел он меня хорошо. Поэтому будет отрабатывать. Для начала полы мне в офисе мыть, а там посмотрим. Ну и сама понимаешь, плохих мальчиков лишают сладкого.

Нет, я не понимаю. Меня трясет так, как никогда в жизни. Кажется, я сейчас проснусь и с облегчением выдохну. Так бывает. Плохой сон, несколько минут смятения и облегчение.

Сергей оборачивается к Дэну, которого все еще держит охранник:

— Сотку скину за малышку. Если будешь смотреть, еще полтос.

— Дэн! — Я захлебываюсь в истерике.

Он молчит. Не смотрит на меня! Молчит, уставившись в пол!

— Не буду, — наконец произносит.

Мой мир рушится, взрывается, распадается на части и горит вместе с первой любовью и последним кусочком души.

— Дэн! Дениска! Ну не молчи! — прошу я. — Найдем где-нибудь деньги, у меня квартира есть, я...

— Ну да, конечно, — смеется Сергей. — Квартира у нее. Так я и позволил нашему Буратино чужими деньгами расплачиваться. Сам пусть отрабатывает. Никаких квартир, Савельев, слышишь? Деньгами я с тебя не возьму. На шкуре прочувствуешь, может, поумнеешь. Костян, уводи, посидите там полчаса.

Наконец у меня получается освободиться, но все, что я могу, — сесть в изголовье кровати, хоть немного прикрывшись. Одежда валяется где-то на полу, взять ее не получится.

— Отпустите, пожалуйста...

Мужчина садится рядом, матрас прогибается под его весом.

— Я никому не скажу, я...

— Помолчи,— следует отрывистый приказ.

Он задумчиво проводит пальцем по моей ключице, спускается к ложбинке. Я всхлипываю и отворачиваюсь, но от прикосновений, как и от взгляда бесцветных глаз, не спрятаться.

— Пожалуйста...— шепчу, потому что горло вдруг сдавливает невидимая рука.— Я еще никогда...

— Девственница? — удивленно поднимает брови мужчина.— И почему таким поганцам достается все самое вкусное... Не бойся, трахать не буду.

Сложно описать чувство облегчения, смешанного с липким страхом. Я и не думала, что сердце способно выдерживать такие эмоциональные всплески. В один момент я до смерти напугана, во второй вспыхивает надежда.

— Но не значит, что быстро отпущу.

— Ч-что...

— Хочу посмотреть, что получают другие. Всего лишь посмотреть... к счастью для тебя. Хорошая цена за скидку.

— Плевать мне на его скидку! Это насилие! Я напишу на вас заявление...

Он морщится, словно я — первоклашка, ляпнувшая несусветную глупость.

— Ну напиши. Так и напиши: пришел незнакомый мужик, когда я трахалась с мошенником, посмотрел на меня голую, облапал, потом ушел. Сказал же, трахать не буду. Но я тут, видишь ли, из-за твоего любовничка кучу времени просрал, так что хоть какая-то компенсация мне положена. Да и вам обоим урок. Ему — что не хрен воровать, а тебе — не хрен давать кому ни попадя.

Я пытаюсь сказать, что он совершенно не то обо мне думает, что я не шлюха и мы с Дэном давно встречаемся. Но не могу вымолвить ни слова.

Медленно доходит, что это не сон и не шутка, но я лишь трачу последние силы на бесплодные попытки вырваться. А он протягивает руку, обхватывает ладонью грудь, зажимает сосок между пальцами и сдавливает. Я дергаюсь, но второй рукой он притягивает меня к себе, не оставляя никаких шансов на побег.

Мы очень близко. Я чувствую, как бьется его сердце. Ровно и размеренно. Совсем не так истерично и рвано, как мое.

От него приятно пахнет. Свежий, совсем не резкий, в отличие от большинства мужских парфюмов, запах. Я навсегда его запомню. Теперь мои кошмары будут пахнуть так, как он.

И говорить его голосом.

Бархатистым, низким, равнодушным.

— Вот тебе, девочка, урок. Десять минут назад ты думала, что занимаешься сексом с любимым мужчиной. А теперь он продал тебя, лишь бы спасти свою жопу. Все еще нравится? Все еще хочешь с ним переспать?

Он ждет ответ. Стальной хваткой прижимая меня к себе, ждет, когда я пересилю сковавший тело ужас и покачаю головой.

— Будь на моем месте кто-то чуть менее беспринципный, ты бы уже пошла по кругу. В следующий раз думай, с кем спишь.

В следующий момент я пугаюсь сама себя. Того, что вдруг вместо молчаливого согласия и мольбы всех богов на свете о том, чтобы он ушел, как обещал, не тронув меня, я нахожу в себе силы огрызнуться:

— На мужчинах не написано, что они сволочи.

— Что ж, тебе повезло. Ты встретила сразу двух за один вечер. Достаточно, чтобы научиться.

Он резко разжимает руки, и я даже не сразу понимаю, что свободна. Отшатываюсь к спинке кровати, хватаю покрывало и натягиваю до самого носа, пытаюсь скрыться от пронзающего насквозь внимательно-серых глаз.

А затем мужчина уходит. Я слышу его тяжелые шаги, скрип двери. Остаюсь в комнате совершенно одна.

Сколько я сижу, выравнивая дыхание и останавливая слезы? Не знаю. Отрешенно слушаю голоса, доносящиеся из гостиной, но не разбираю слов. Потом хлопает дверь.

Этот звук приводит меня в чувство, я подсакиваю и судорожно начинаю одеваться. Почему-то кажется, что, если Дэн увидит меня в таком состоянии, случится что-то необратимое.

Но разве оно уже не случилось?

Дрожащими руками я застегиваю платье, собираю волосы в хвост. Мне надо умыться, но ванная слишком далеко.

Бежать! Как можно дальше и скорее! Оказаться далеко-далеко, в безопасности и тепле.

— Жень...

Денис стоит в проходе. Губа разбита, под глазом зреет синяк. Ему, похоже, досталось больше. Эта мысль неожиданно веселит. Нервное, наверное.

— Не надо! — Я поражаюсь тому, как звенит голос.

Он без слов пропускает меня к выходу. Даже в глаза не смотрит.

А мне хочется плакать, потому что его я представляла, когда думала о счастливом будущем. О нем думала, как об отце моих детей. Им жила!

Не смог, не стал, не защитил... все равно бы, конечно, не справился, но я бы знала, что он пытался! Знала, что хотел, знала, что не желал мне зла. Его «не буду» — приговор куда более жуткий, чем то, что сделал Сергей.

— Женьк, ну их трое против одного...

— Замолчи! — рычу, и слезы все-таки оставляют две новые дорожки на высохших щеках.

Он протягивает мне контейнер с фруктами, все так же отводя глаза. Мне хочется швырнуть ему этот контейнер в лицо, расцарапать его, кричать, драть-

ся, заглушить как-то опустошающее ощущение предательства! Но я представляю, как сонная Элька спросит: «А что ты мне принесла?», и заставляю себя взять фрукты.

Это унижительно. Больно.

Но ради племяшки приходится как-то держаться.

Глава вторая

— Ну вот, — говорю я, — теперь ты — котенок.

— Р-р-р-р! — кривляется чудесная девчужка и морщит нарисованный носик. — Я тигр-р-р-ь!

— Она только «Р» выговаривать научилась, — поясняет мама. — Хвастается.

Отдает мне деньги и вручает дочке большой ком сладкой ваты. Я бы тоже не отказалась от сладкой ваты, хотя, пожалуй, мороженого хочется больше. Но в парке оно жутко дорогое, а оставить инвентарь и уйти в супермаркет я не могу. До конца смены еще два часа. Потом быстро убрать складные столик и два стула в подсобку, собрать краски и все инструменты и бежать за Элькой в садик. Дома поделаться с племяшкой задания, а вечером сесть за заказ, потому что время поджимает, я и так пропустила три дня из-за температуры, и это больно ударило по кошельку.

Я рисую в парке четыре дня в неделю: с четверга по воскресенье. Плачу восемь тысяч в месяц за место и очень им дорожу. Его выбила Марина — дочь соседки. За такое проходное вообще платят двенадцать, но мне сделали скидку, уж очень начальнице понравились мои работы.

— Скажу сразу, — вздохнула она, — свободы творчества здесь нет, но ты выставь картины на продажу и как примеры. Но чаще всего заказывают портреты и аквагрим. За них и платят.

— Мне подходит,— улыбнулась я.— Рисовать для души я могу дома, а если за портреты платят, то буду работать. Не волнуйтесь, я умею ладить с людьми.

Да... умею, это точно. Только не разбираюсь в них.

Заработок сезонный, но зато можно откладывать. В хороший солнечный выходной можно заработать тысяч десять. На самом деле я благодарю бога за возможность найти эту работу, потому что с ее появлением мы с Элькой стали лучше питаться и смогли одеться к зиме.

Ну и, конечно, я откладывала. Сначала, получив за неделю половину оклада оператора на почте, я растерялась. Никогда не видела таких денег, даже мелькнула мысль купить что-нибудь дорогое, для души. Или какую-нибудь модную классную игрушку для Эли. Но я быстро взяла себя в руки, ограничилась ананасом и куркой, а остальное отложила на черный день. Придет осень, за ней зима, и до весны с заработком будет похуже. Может, будут заказывать курсовые, а вдруг нет?

Я рисую не одна, на линии вдоль главной аллеи еще три художника. Один делает шаржи, второй портреты, а третий расписывает желающих хной и индийскими узорами. В перерыв мы часто ходим друг к другу поболтать, так что на олимпийке у меня болтается значок с забавной мордой-шаржем, а все руки покрыты оранжево-коричневыми завитками и узорами.

Одна из мам, оставляя мне ребенка на портрет, живо интересуется мехенди и спешит к мастеру, получая заверение, что никуда от меня ребенок не денется.

Пусть это немного не то, о чем я мечтала, но все же работа, связанная с рисованием. А значит, я получаю от нее удовольствие и отдыхаю душой.

Я так погружаюсь в рисунок, что не замечаю происходящего вокруг. Лишь краем глаза вижу, как кто-то ходит вдоль ряда моих картин, останавливаясь у каждой на несколько минут. Мне хочется рассмотреть этого человека, прочитав в его глазах мнение о моем

творчестве, но нужно рисовать и присматривать за девочкой.

Мне вдруг становится страшно. Или волнительно? Человек все не уходит, стоит. Ждет, когда я закончу?

Наконец портрет готов, я получаю деньги и убираю их в карман. Счастливые мама с дочкой уходят развлекаться дальше, а я вытираю кисть и поднимаю голову.

Сердце останавливается, когда встречаюсь взглядом с бесцветными глазами.

Нет... Нет! Это не может быть он, не должен... прошло десять месяцев, и я отсчитала каждый, зачеркнула в календаре, а с приходом весны вдохнула полной грудью. Я выжила, выкарабкалась и наладила все. Не может же он все разрушить...

Стоп! Спокойно. Он просто шел мимо и заметил меня. Поздоровается и уйдет, а если я не выдам страх, то уже к вечеру забуду об этой встрече, словно ее и не было.

— Сколько эта стоит?

Он показывает на картину сказочного замка в облаках на рассвете.

— Две тысячи,— нехотя отвечаю я.

Он вальяжно проходит мимо картин и садится в складное кресло, которое явно не соответствует ни его статусу, ни размеру. Он смотрится в нем до ужаса странно.

— На заказ рисуешь? — спрашивает он.

Я украдкой оглядываюсь, ожидая увидеть охранников, как в тот вечер, но, похоже, Сергей в парке один. Действительно случайно шел мимо или?..

— Мне кажется, вам лучше уйти.— Я набираюсь смелости и говорю ему это в лицо.

— Я сам решаю, что мне лучше. На заказ, спрашиваю, рисуешь?

Он ведь видит табличку рядом со столом, там написано «Рисунки под заказ», но все равно хочет, чтобы я ответила. Хочет, чтобы подчинилась.

— Да, рисую.

